

18+

Лукиянов Владислав

Смерть бывает приятной

Сборник рассказов

Владислав Лукьянов

**Смерть бывает приятной.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Лукьянов В.

Смерть бывает приятной. Сборник рассказов / В. Лукьянов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519614-9

«Смерть бывает приятной» рассказывает о жизни совсем не похожих друг на друга существ и людей. Здесь есть как рассказ о человеке, что путешествует во времени не по собственной воле, пытаясь понять, кем он является, так и история жизни двух собак, пытающихся найти собственное счастье. Но все истории в книге связывает одна тематика — смерть, что витает в воздухе и преследует героев, пытающихся от неё сбежать, или... Смирившихся с ней. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-519614-9

© Лукьянов В.
© Издательские решения

Содержание

Моя испорченная картина	6
Краски	9
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Смерть бывает приятной

Сборник рассказов

Владислав Лукьянов

© Владислав Лукьянов, 2020

ISBN 978-5-0051-9614-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вдохните поглубже.
Замерьте пульс.
Вы чувствуете сердцебиение?
Тогда, самое сладкое ещё впереди.

Моя испорченная картина

Я делаю мазок. За ним ещё один, создавая овал на полотне. Третий мазок – появляются ушные раковины, обволакивающие лицо по обе стороны. Четвёртый, красный, что рисует мягкие губы одним неровным штрихом, чуток задевая уже нарисованную, белую щеку, наполнившуюся рыжими метками ярких бликов затмившегося солнца за окном, за которым простирается зелёный, чудной лес, с иногда вылезаящими из-под толп деревьев маленькими холмиками, где на вершине одного из них стоит совсем маленький, длинноухий зверёк с мощными, задними лапами, что стали опорой для выпершего носа в синее, опороченное небо не прекращающимся проливным дождём. Пятое дуновение лёгкой руки, и голова покрылась чёрной лозой, достигающей нагих, нежных плеч девушки, чьи глаза вновь налились кровью от горьких слёз, что текут с день ото дня в ожидании счастья, не идущего к ней долгие года, пока её кожа покрывалась старческими морщинами и отслаивалась от девушки, образуя вокруг её старинной комнаты, украшенной картинами прекрасных пейзажей, толстую прослойку серой пыли, обрушившейся январским снегом на цветы, стоящих в горшочках у окон с деревянной каёмкой; на бережно вышитую одежду мастерицами, что висит в закрытых навеки шкафах под замок; на хрустальные стаканы и чаши, передающихся из поколения в поколение имени того дворянского рода Новиков, живущих в здешних горах, далеко в тайге, где ты не найдёшь никакого другого человека, что не является их слугой. И лишь зайцы, совсем редко пробегающие мимо окна Дарьи, дают ей слепую надежду, что отец – отражающийся в дверце окна, служившей юной леди зеркалом – одетый в зажатый натуго кожаный пояс и новомодные дворянские сапоги, открывший в запечатлённом моменте картины заднюю дверь, наконец умрёт от своего не контролируемого питания десятками зайцев, умирающих в поместье каждый день и восполняющих жадное пузо отца, что уже с тяжестью помещалось в распахнутую мощью дверь. Шестой на сегодня мазок – нож, живший раньше лишь в фантазиях художника, опускается на руку шестнадцатилетней девушки, слёзы которой каплями стекают с её подбородка, падая на выжженные предплечья красной кочергой – наказание отца за попытку побега через те древесные, словно толстые пики заборы, что огораживают её от гармонии, царящей в природе. Попытка достичь счастья, приведшая к отчаянию. Седьмое касание натюрморта, и рот отца открылся вновь, испуская горячие слова, что били его дочь ожогами, оставляя на ней всё больше очерков победившей ненависти и зла, что носила корону со золотым скипетром, и ходила по огромному дому, наставляя свои приказы в головы людей.

– Я написал картину, – положив кисть в палитру, стоящей на тумбочке, сказал Дмитрий и отошёл на пару шагов назад, отдалившись от им созданного шедевра.

– Наконец ты завершил её, – сказала Светлана, лежавшая позади художника на удобном диване и читающая книгу, иногда поглядывая на деятельность своего мужа. – Долго же ты с ней намучился.

– Месяц ежедневного труда прошёл не зря, – скинув с себя измаравшиеся, белые перчатки, сказал художник и направился к выходу из террасы, окружённой ярким садом, дабы пройтись и подышать свежим воздухом, не наполненным ароматом красок.

– Но ты бы мог закончить её куда быстрее, если бы не делал по семь мазков в день, – сказала лениво Светлана вдогонку Дмитрию, переворачивая страницу книги, которую она увлечённо читала.

– Если бы я рисовал быстрее, она бы не стала столь красива, – выйдя из террасы и пройдя несколько шагов до пруда, окружённого золотым песком, сказал Дмитрий. – Нужна долгая, кропотливая работа, дорогая. Иначе ничего не выйдет.

Присев у берега, Дмитрий принялся наблюдать за видом чистого озера, по которому слабыми волнами пролетал ветер, освежив заполонённый образами мозг художника новыми

мыслями – о спокойствии, умиротворении и гармонии, что несут пролетающие белые лебеди, взмахнув своими крыльями над верхушками дубов и елей на горизонте, над которым, как добрый отец, наблюдает многоликое Солнце, сегодня обогрившееся в жёлтые тона.

– Но всё же, есть, к примеру, Аркадий, что рисует новую картину чуть ли не каждый день, – направляясь из террасы к Дмитрию, говорила Светлана, шествуя неторопливым шагом босыми ногами, через пальцы коих высывалась не проломлённая трава, которой повезло не быть затоптанной женской стопой.

– У Аркадия своё мировосприятие и свой темп работы. Если может он писать картины каждый день, то я, опробовав его способ, сторю как щепка за совсем короткий срок, – задумавшись голосом, отвечал Дмитрий, не спуская глаз с удивительного вида. – Но из-за долговременности моей работы, она и больше оценивается, чем работы Аркадия, что начинают уже повторять самих себя.

– Заметила, он отошёл от абстракций в картинах, и начал писать живопись, – присев рядом с Дмитрием, Светлана обняла свои колени и вместе с мужем принялась наблюдать, иногда воротя своё внимание на лицо художника, что хоть и было малочисленно на эмоции, но по нему возможно читать о чём именно думает Дмитрий сейчас. Если густые брови оказывались опущены своим кончиком чуток вниз, а нос подымался вверх – значит Дмитрий думает о чём-то плохом произошедшем, или же его окутывают сомнения и мрачные мысли. Если же его губы немного приподнимались, а взгляд был пуст, будто он зрит в самое ничто, значит он сейчас погружён в образы, которые, быть может, через несколько месяцев окажутся на холсте, измазанным красками. И совсем редко, настолько, что Светлана видело такое лицо Дмитрия лишь пару раз в жизни, когда его глаза начинали отсвечивать солнцем, создавая блики, а щёки наполнялись кровью, будто румянцев в зимний день, Дмитрий оказывался полностью довольным нынешним своим положением, можно сказать, он был счастлив. Именно сейчас Светлана поймала это выражение лица Дмитрия, которому так не подходила краснота на белоснежной коже.

– Видел у него пару картин. Невозможно писать пейзажи природы за один день – вот, что я понял. В его рисунках нет никакой мысли, нет души. Ощущение, что ему дали тысячный заказ, и на сей раз попросили нарисовать чью-то дачу, и как можно правдоподобнее. Оттого и подался в то поле, где и не знает, как правильно сеять семена.

– Не будь столь критичен к нему, Митя. Мне наоборот они вполне понравились. Гладкие волны, нарисованные, по словам очевидцев, отвёрткой его умершего отца, меня обворожили, буду честна.

– Но будем честны тогда до конца – его деревья совсем неказисты, будто рисовал ребёнок, которому дали кисточку и акварель в первые в жизни.

– Да, юному пейзажисту есть куда стремиться, – тихо хохоча, закрывшись ладонью, совсем как леди, сказала Светлана. После чего, они молча принялись наблюдать за уходящим закатом солнца, вместе обнявшись и наблюдая, как листочки постепенно начинают срываться с зелёных деревьев – наступает осенняя пара.

Но за ней, вслед, как левая нога за правой, пришёл и сильный, ночной ливень, когда Дмитрий и Светлана после вместе проведённого вечера сначала на берегу озера, а затем и на крыльце своего двухэтажного дома, обедая только что приготовленным крабом, что решила заказать Светлана, удивив Дмитрия (однако не с лучшего ракурса – краб оказался не вкусным, и, по ощущениям Дмитрия, испортившимся). От громкого удара молнии, Дмитрий резко пробудился, подняв своё сонное тело в молниеносном порыве испуга с двухместной кровати, на правой половине которой лежала Светлана, спя сладким сном.

– Точно, я же оставил картину на улице! – Нервно выкрикнул Дмитрий, и быстро выпрыгнув с кровати, принялся быстро одевать рядом положенные перед сном штаны и рубашку, которую он не стал застёгивать на все пуговицы, чтобы быстрее выбежать на улицу.

Спустившись по деревянной лестнице вниз и отворив дверь, запертую на два замка, Дмитрий выбежал на мокрое крыльцо, а после него, где крыша уже не прикрывала бы голову людей, бил жесточайший дождь бесперебойно, как настроенные и только что произведённые из-под лавки мастера часы высочайшего качества. И в ста метрах от входа, стояла терраса с картиной, направленной к озеру, и, к несчастью творца, дождь оказался горизонтальным и нёсся ударами через всю террасу.

Надев намоченные тапки, оставленные на крыльце, Дмитрий побежал по влажной земле, что местами стала подобна грязи, на которую художник несколько раз чуть не упал от плохой видимости и потери контроля в пространстве под градом дождя. Но он смог добежать до белой террасы, балки которой почернели от воды, а через щели в дощечках на полу можно было заметить, как разноцветная грязь от оттенков палитры Дмитрия стекает вниз, окрашивая преломлённую траву.

Картина оказалась испорчена вся. Цвета, что ещё день назад, своим невероятным сочетанием создавали одну из лучших картин в творчестве Дмитрия, теперь стекали чернотой вниз по холсту, образуя на рамках слякоть и грязь из недавнего шедевра. Но Дмитрий, не успев полностью увидеть всю глубину пагубности ситуации, схватил картину, и опустив её лицевой стороной вниз, к земле, дабы капли не смогли проникнуть, побежал обратно в дом, в котором уже из всех окон светили лампы и диоды.

– Что стряслось? Ты куда выбежал на ночь глядя? – В перевязанном белом халате сказала Светлана, чей голос ещё не пробудился полностью ото сна, но глаза от удивления оказались столь огромны, что Дмитрий даже забыл на мгновение о произошедшем. Однако, быстро опомнившись, начал тараторить, иногда заикаясь и запинаясь с дрожью в голосе – дождь оказался крайне холоден, словно с неба летят сосульки из льда.

– Я забыл картину на террасе, оставив её там, когда мы пошли обратно домой. Вспомнил только сейчас, вот она, смотри. Сильно испачкалась?

Светлана испугалась до ужаса, и по ней самой пробежали мурашки, сделав её кожу перепончатой, как у земноводного. Перед ней пристала картины девушки, вместо глаз у которой оказались две большие, чёрные точки, что закрыли большую часть лица, чёткие границы которого растворились по комнате, оставив следы на высушенных чернотой растениях и сгнивших от наводнения шкафах. И нож, до селе лежащий в руке девушки, расплылся по холсту, но само острие, что сохранило свою напоминающую лезвие форму, оказалось воткнутым в зеркало – единственное не испорченное от дождя место картины – попав отцу в лоб, и красные оттенки, что использовались для изображения солнечных лучей меж загромождающих небо туч, оказались на зеркале, растекаясь по всему телу отца, оставшегося в той же ужасной гримасе, напоминающей о чудовищной сущности домашнего тирана. Картина осталась неизменна в своём посыле, но смысл её изменился, став совсем другим, иным, чуждым Дмитрию, живущему только в ярких образах.

– Картина вся промокла, Митя. Она стала ужасной, – прикрыв руку ладонью теперь не от смеха, сказала Светлана, затем отвернувшись от испугавшего её образа.

Дмитрий, перевернув картину к себе, остался разбит – его творение стало никуда не годным, как ему показалось сначала – теперь она стала лишь набросками клякс и грязи, намалёванных на белый лист. Но, приглядевшись ещё раз, Дмитрий увидел то же, что и Светлана, и увиденное им полотно испугало художника ровно настолько, сколько и поразило своей мрачностью и своеобразной, однако поражающей красотой смерти.

– Теперь она действительно шедевр, – сказал с горящими глазами мокрый Дмитрий, с которого, как с не выжатой тряпки, стекала вода. – Дождь сделал моё лучшее произведение.

Краски

Тьма.

Свет.

Есть ли разница между ними? Свет исходит из темноты, или тьма выплеснулась чёрным шоколадом в белое, кипящее молоко, именуемое Вселенной? Одно я могу сказать точно – они сливаются в друг друга, образуя единый цвет. Люди назвали этот оттенок одновременно чёрного и белого цвета насыщенным словом, которое мне так приятно воспроизводить в звуке – жизнь.

Головокружение и помутнение рассудка одолело головной мозг. Он открыл глаза, и не увидел ничего. Взор был чист и несмотря на блестящее зрение, его окружала пустота. Белое пространство, что не заполнено ничем, кроме воздуха, позволяющим ему дышать, и света, исходящим отовсюду. Нет единого источника, откуда испускаются пронизывающие насквозь лучи, что придают местности ярко-белый цвет. Но он и не мог сказать, что свет выбивается из каждой стороны, окружающей его. Свет есть, для него не нужны никакие условия. Это надо принять, как истину.

Лежа, он упёрся одной рукой сзади своего тела и согнул ноги, положив вторую руку на колено. Медленно поднимаясь, разгибая ноги в коленях, человек чувствовал хруст, доносящийся от каждой кости. Они будто были переломлены и склеены заново неуклюжим методом новобранцем-медиком, попавшим в полевые условия войны, окружённой всполохами земли от артиллерийских снарядов.

Наконец, после мучительного поднятия собственного тела, он сделал свои первые шаги. Ноги его будто тонули в белом пространстве, не обрамлённым твёрдой поверхностью. Он ощущал, словно летит, а ноги болотисто тянет вниз. Шаги же были тверды, и опирались, как на каменную, мощённую дорогу, спроектированную римскими мастерами ещё задолго до рождения человека. Если оно вообще было.

Первые шаги по дивному миру оказались столь не уверенными, что от нарушения восприятия реальности вокруг себя человек несколько раз упал. Сначала вперёд, будто столкнулся ногой об невиденный им тротуар. Затем назад, как любой из нас, не увидевший подлую табличку «Осторожно! Мокрый пол!», и решивший пройтись размашистой походкой.

Но затем шаги становились всё смелее. Он начал понимать, как идти, не боясь сделать лишнее движение. Какой бы хаотичной не казалась вокруг него пустота, она тоже имеет свои правила. И человек выучил их.

Шёл он уже не первый час, но ничего не находил. Бесконечная, белая комната, заложником которой оказался именно он, поглощала его в себя всё больше и больше, и с каждой следующей секундой безумие и ярость охватывало человека всё сильнее. Но устав искать выход отсюда, осматриваясь по всем сторонам, человек впервые задумался. А кем он является? Этот вопрос напугал его. Он не смог ответить.

Однако, продолжив ходьбу, углубившись в собственные размышления, он всё же смог наткнуться на нечто. Первое, что он видит, бродя по белой темноте – кран, высотой до его шеи, с которого мелкими снарядами падают несколько капель в секунду, образуя лужицу вокруг, обтекающую железный, выточенный одним из фабричных станков, крепкий корпус.

Нагнув своё лицо и сложив руки в маленькую тарелочку, он набирает воды, прежде прокрутив гладкий маховик с синим, идеально нарисованным кругом на его поверхности. Вода начала течь плотной струёй зеленоватого оттенка. Человек всплёскивает её себе на лицо, заодно открыв и рот – его начинала охватывать жажда. Глаза начинает сильно щипать, а изнутри их будто разрывает. Они горят, обволакивая всё глазное яблоко, словно пожар в дере-

вянном доме посреди ночи. Он начинает кричать. Неистовый вопль вылетает из его горла. Но он понимает, что ни один из его звуков не доносится в пространство – горло начало трещать. Вода, попавшая внутрь его, не проникла в желудок, а осталась в глотке – прямо в середине – и закрепила там, разжижая тонкие слои мышц и кожи.

Пав на колени от боли, он зажмуривает свои глаза, закрывая их плотно ладонями, начав давить с чудовищной мощностью. Но он не чувствовал, что сжимает свои глазницы. Всё перебивала кислотная боль, протекающая с горла до волос на голове, что начинали отмирать и выпадать клочками с него. Глотка разрывается. Боль не утихает.

Но вдруг, он чувствует капли воды, что падают сверху. Тихо, словно шёпотом, начинает доноситься его же крик, постепенно обретая свою мощь. Смертельный, всепоглощающий крик заполнил ночную улицу, что появилась вокруг него. Сквозь тяжелую боль, разрывая склеившуюся кожу, закрывшую оба глаза тонкой прослойкой, он смог их открыть, отбросив резким махом рудиментарные слои кожных волокон. Потекла кровь вниз, выводя тонкие линии на лице мужчины и достигала воды, оставленной непрекращающимся дождём, на уже видимом полу. Опираясь руками об асфальт, он осматривал дорогу, на которой стоял на коленях, и увидел в ужасе для себя, как вместе с кровью, по течению, проплывают несколько глаз. Сморщенных, обгорелых, сухих. Вода обтекала их и несла дальше, за собой, к ближайшему открытому люку в канализацию. Мужчина ещё долго сидел на коленях и наблюдал, как уплывают глазницы. Глазницы, что принадлежали ему.

Он поднял глаза выше, смотря уже на улицу, что его окружала. И она начала навеивать на него воспоминания. Вдруг мужчина говорит тихим голосом, будто самому себе, женское имя – «Мария». Затем повторяет его ещё раз, произнеся теперь намного громче. Но он не знал, кому принадлежит это имя. И что оно значит лично для него.

Перед ним пристала длинная, широкая дорога, конца горизонта которой не видится. А по бокам располагались дома – кирпичные, жилые, пятиэтажные серого цвета и в некоторых из них то наблюдался тусклый, жёлтый цвет, исходящий от лампочек, то наблюдалось ничего, кроме битого стекла и тьмы, распространившейся по всему дому, словно чума – в них никто не жил.

Поднявшись с колен с той же тяжестью, что и в первый раз, он вышел из проезжей части, где неожиданно для себя появился, и дошёл до небрежно выстроенного тротуара, ямы которой заполнялись дождевой водой и принесённой потоками землёй, образуя отвратную слякоть. Но мужчина не чувствовал отвращения от вида пристанным перед ним, что отлично дополняли три худые, дохлые собаки, дерущиеся между собой у мусорного бака за белый, полиэтиленовый пакет, наполненный гнилой едой, на котором гордо знаменовался логотип сети магазинов с ярко выраженной, красной цифрой «пять» в центре. Для него сие обличье улицы было родным, обыденным, но при этом невероятно печальным. Тоска навевала мужчине, не понятная ему, но такая знакомая.

Ноги несли его сами. Он не знал, куда идёт, но при этом чувствовал, что движется в нужном для себя направлении. И вот, он видит разбитый фонарный столб с убранными уже давно осколками и отметкой крови на тротуаре, засохшей в веках. Справа от фонаря мужчина заметил выход на отсутствующий светом переулок. Повернув в него и пройдя через широкий короткий тоннель, он проходил мимо рекламных плакатах: «Избавим вас от любых задолженностей!», «Лучшая мебель и посуда по самым маленьким ценам!», «С нашей компанией вы забудете, что такое темнота!». Над обтёртыми ветром и временем плакатами расположились балконы со свисающим чьим-то бельём, под которыми, затаившись в темноте, сидел мужчина, которого он не заметил. Мужчина по-видимому, был одним из тех, кого мы называем небрежным словом «бомж», и сидел он облокотившись спиной на стену и держа в руке зелёную бутылку

абсента, наполненную лишь на половину. Споткнувшись об него, мужчина пробудился ото сна и разозлившись, начал дерзко говорить:

– Куда прёшь?! Не видишь, люди спят! – Откинув вольной рукой мешавшуюся под ногами чёрную книгу, с выгравированным на ней жёлтым крестом, задал он раздражённый вопрос.

– Извините меня, я ищу свой дом... – Но споткнувшийся прервал свою речь, увидев указательный палец, направленный вверх, будто в небо, которому мешает кирпичный потолок, облепленный гнилью и грязью.

– Погоди-ка, – сказал он и положил бутылку аккуратно на пол. Оттолкнувшись ногами от пола, он быстро встал, даже немного подпрыгнув, хотя по нему нельзя было сказать, что он способен на такие резкие движения – его борода отросла до самой шеи, а некоторые из волос начинали становиться седыми. – Ты ведь Петька, сын Максима.

– Я не знаю Максима, и я не знаю, как меня зовут. – Сказал размеренно, потерянным голосом «Петька», как именует его странный мужчина.

– О-хо-хо, сразу вспомнил твой день рождения, когда ты ещё мальцом был, вот по сюда ростом, – и он начал бить ребром ладони, опущенной лицевой стороной к полу, по своему животу, – как ты изображал бабу Ягу. Чуть со смеху тогда не помер! Сразу понял, что есть у тебя талант актёрский, зря тебя отец в эти институты повёл. Мог в театр пойти работать! – Досказал он и начал смеяться. «Петька» смущённо лишь наблюдал со стороны, не понимая, о чём говорит встреченный случайно им подозрительный мужчина. Он решил неторопливо идти в сторону, надеясь, что под слоем темноты бодрый дедушка не заметит его пропажи. Но план не увенчался успехом.

– Куда идёшь-то, актёр?

– Домой, как я уже говорил.

– Ты снова поселился здесь? – Взяв обратно бутылку в руки и сделав глоток, сказал он, смотря одним взглядом на Петьку.

– Что вы имеете ввиду?

– Так я думал, когда Максим, отец твой, помер, вы сразу квартиру-то и продали. Ну, по крайней мере, я слышал это от Маши, ещё лет десять назад, что забирает тебя и уезжает. Больше-то вас и не видел я, а тут ты объявился. С матерью-то своей общаешься хоть?

– Мой отец умер? – Спросил приглушённым, огорчённым голосом Петька. Услышав этот вопрос, мужчина аж весь передёрнулся, глаза начали бегать, и сделав ещё один глоток, начал говорить.

– У тебя память что ли пропала? Мы же на похоронах вместе были. Что за вопросы ты дурацкие задаёшь?

– Я и вас не знаю, если честно.

– Пьяный что ли... – Пробубнил себе под нос мужчина. Петька не расслышал его слов. – Ну-ка, подойди поближе, дыхни.

– Зачем? – спросил он удивлённо.

– Надо говорить, пьян-нчуга! А ну живее давай, стоишь, как вкопанный. – Петька послушался приказа и подойдя вплотную, сделал выдох ртом мужчине в лицо. – Господи, воняешь, будто в тебе помер кто-то! – Отойдя на несколько шагов назад, зажмурив глаза и закрыв нос пальцами, сказал мужчина. – Ты что жрал сегодня?

– Ничего. Я только недавно здесь появился.

– А нахрена явился-то? В дом свой? А ну веди меня, куда поселился.

– Но я не могу его найти. Может вы поможете мне отыскать дом? Вы, вроде как, друг моей семьи. Извините, но я ничего не помню.

Глаза мужчины начали аж блестеть. Промелькнули даже мысли о том, что может началась у него белая горячка, и вот чудятся невероятные вещи. Но нет, всё было наяву. Вот, Петька,

и мужчина не мог ошибиться. Большое, родимое пятно на виске и чёрные глаза, как уголь, всегда были отличительными чертами Петра вместе с его ассиметричным лицом. Невозможно спутать его с кем-то другим, и даже пощупать можно!

– Зачем вы тыкаете в меня?

– Ох, прости, совсем голова поехала, – отойдя на шаг назад и схватившись свободной рукой об голову, ответил мужчина. – И хватит этих «вы», я же Вася, совсем ничего не помнишь? Похоже сильно ты головой ёкнулся обо что-то, пока шёл. Давай доведу тебя до вашего прошлого дома, может мозги встанут на место.

Допив пиво, Вася выкинул бутылку на место своего почивания, что та аж разбилась на осколки. Но его это не волновало. Выходя из тоннеля на улицу, он свистнул, как бы зовя Петра. Тот направился вслед за ним, и они пошли по закоулкам, проходя через изредка мимо шедших людей, одетых исключительно в чёрные пальто и куртки, под капюшонами которых скрывались бледные лица. Проходили они и мимо пустых, мокрых каруселей и лавочек, в коих можно было увидеть отражение Луны – играющей, блестящей, переходящей с лужи на лужу, как бы вслед за ними, постоянно наблюдая за их походкой, направлением и словами, что выговаривают они через свои замёрзшие, бледно-голубые губы, открывающиеся редко, только по интересующимся вопросам.

– Не помнишь совсем, что с твоим папой стало? – Спросил Василий, повернув свою голову к нему и подняв глаза ввысь, чтобы увидеть лицо Пети. Оно помахало из стороны в сторону. – Хороший он был человек. Постоянно мне помогал. Другом был моим, лучшим, познакомились ещё в школе, когда к нам перевели его. Мальцом таким Максим был зашуганным, но умён, сукин сын. Все списывали у него, поголовно. Ну и я, конечно, тоже. Амбалом тогда был, это сейчас старик дряхлый, только и могу, что пиво пить, да песни петь под окнами! Защищал твоего отца всегда. Так и закончили с ним школу вместе, потом в институт пошли учиться. Меня разве что выперли с первого же курса, бухать много начал, а вот Максим молодец, до конца отучился. Инженером стал – уважающая профессия. Познакомился, на детской площадке, когда мы с ним в мяч играли, с матерью твоей – Машкой. Учились потом вместе, в один вуз поступили, любили друг друга, аж жуть, да и пожениться решили, – сделав паузу, Василий сложил руки вместе и прислонил ко рту, чтобы сделать несколько вдохов и согреть их. Затем, засунув руку в свой большой карман дранного пальто, он достаёт ломленную на половину сигарету и пачку спичек. Зажигая одну из них, Вася сначала погрел руку об огонёк, затем уже прислонил ко рту, где ждала его сигарета, обрамлённая невидимой для человеческого взора никотиновой смертью. Выдох. Понёсся дым, а старик изменился в лице от нахлынувших на него воспоминаний, и дальнейшее его повествование меняет тон, становясь тягостнее и угрюмее. – Узнал о его смерти как раз от неё – когда уже хоронить собирались. Сказала, что машина сбила, пока домой шёл. По ночам он у тебя работал, вот и попался хер бухой.

– Странно как-то, Луны нет, – промолвил тихонько Пётр, после рассказа, совсем отвлечённо, хоть и внимал каждому слову. – Абсолютно нет, даже звёзд. Но будто множество маленьких Солнц расположилось на небе. Одни – поменьше, другие побольше, как вот та, что слева от нас. И ветер задувает, будто спиралями. Чувствуешь, как резвится? Да и дождь какой-то странный, без туч. Будто падает с самого неба, так ещё и жжёт кожу своими каплями.

– И впрямь, нет ни звёзд, ни Луны, ни туч, а дождь капает – подняв голову на небо и осмотревшись по сторонам, подтвердил Вася. – Ну-ка, вытащу руку. Ах, сука! Жжёт, будто кипятком облили! Ты как вообще ходишь здесь в одной футболке, так ещё и без шапки?

– Я чувствовал боль и сильнее. Намного, вы себе такую и представить не сможете. – Сказал Пётр и продолжил наблюдать за удивительным небом, пытаясь запомнить в деталях игру тёмно-синих оттенков, переплетённых в борьбе золотистых проблесков Солнц, что усеяли вечернее небо. Поразило сознание Петра и особенно выделившийся на фоне далёкий, раз-

дроблённый разрядом молнии чёрный ствол, стоящий на возвышенном холме в своём печальном одиночестве. «Такой пейзаж не увидит больше никто» – подумал про себя Пётр.

Василий ничего не ответил на столь строгий, сухой ответ.

Ещё некоторое время они шли в тишине. Василий погряз в собственных мыслях, что начали поглощать его, словно болото, и всё его внимание было сосредоточено лишь на догорающей сигарете – ему было не до разговоров. Пётр ничего не говорил по более тривиальной причине – он не знал, что сказать. Однако, спустя около пяти минут ходьбы, когда дождь уже почти весь пропал, а лучи Солнца начали появляться ещё совсем малыми порциями за дальним горизонтом, что был виден через узкие пустые пространства меж домами, загоня тьму в самые далёкие углы, избивая её до смерти каждым новым проблеском разгорающейся звезды, знаменовавшей начало нового дня, Пётр решился спросить:

– Получается, ты убил моего отца?

Второй раз за ночь глаза начали бегать у Василия. Но в этот раз не от безумных слов Петра, удивившего старика до трясучки. Нет, в этот раз от испуга. Сравнимого с загоном в угол плешивого и худощавого волка охотниками, вооружёнными демоническим, убийственным средством, которое люди именуют «ружьём».

Бросив свою сигарету, огонь которой начинал добираться до кончиков пальцев, он пытался говорить уверенно, но дрожь пробиравалась через его горло:

– Что ты такое говоришь? Где мне взять машину, видел ведь, где я живу.

– Ты ведь пил пиво. Я предположил, может ты это и был.

– Будто только я здесь пиво пью. Полгорода бухает, так это ещё минимум. Кого не встречу – хлещет лучше Ельцина! – И он чуток усмехнулся, однако быстро прервал прорывающийся истерический хохот, подбирающийся всё ближе. – Мы кстати почти дошли. Вот, видишь тот дом? Там вы и жили, на четвёртом этаже. Сорок третья квартира, как сейчас помню.

Дом скорее похож был на тюрьму, чем на жилое здание. Тёмное, без каких-либо источников света из окон квартир, а сами они сделаны из стекла, креплениями для которого являлись железные, диагональные прутья, и иногда украшенные задними шторами с цветками всевозможных оттенков, вытканными умелой рукой швеи, батрачащей на заводе уже не первый год и имеющая такие же шторы в своей однокомнатной, уединённой квартире третьего этажа, купленные за сто рублей на распродаже в магазине для закрытия от света, что бьёт прямо в глаза, отчего она слышит постоянно недовольные голоса малых детей, Насти и Даши, кричащих: «Мама, закрой нас от солнышко, ничего не видно!».

– Господи, зачем оно так ярко горит? – Задала она сама себе вопрос, не нуждающийся в ответе, и закрыла окна своими же, купленными шторами, погрузив комнату во тьму, в угоду детям. Что видели они во тьме? Этого мы не узнаем никогда, но она привлекала их своей загадочностью и безграничной свободой. Ты мог воссоздать у себя в голове любой мир. С любыми правилами. Для Насти и Даши это было спасением от света, что был уродлив и неказист. Для женщины это было потуханием последней надежды. Вскоре, ткачиха была найдена повешенной на работе. Она соткала крепкую верёвку, используя все оттенки нитей воедино. Смерть необычайно красива в своей трагичности, не правда ли?

Подходя ближе к дому, Пётр начал замечать надписи на стенах: «В тридцать третьей живёт шлюха!», «Люда, я тебя люблю», «СлиV Футак D3вачЕК:…» и ссылка на чей-то телеграмм канал, освещённый первыми лучами солнца, проникающими сквозь щели домов, оставляя полосы тепла на бездушных кирпичах, покрытыми безвкусными граффити.

– Чего так рассматриваешь номера телефонов? Хочешь себе пару шлюх заказать, отпраздновать новоселье в родной дом? – Подшучивая, говорил Василий, понаблюдав за внимательным взглядом Петра, не отводящего глаз от народных искусств.

– Мне кажется, слово «шлюха» слишком пренебрежительно. – Сухо ответил Пётр.

– И как их именовать тогда по-другому? – Ухмыльнувшись, сказал Василий, и начал подниматься по ступенькам под маленькой, железной аркой вверх.

– Девушки, которым повезло меньше, чем остальным.

– И откуда у тебя успела появиться любовь к проституткам, а, Петька? Познакомиться с некоторыми успел?

– Не помню. Но почему-то, мне их искренне жаль. Можем ли мы им как-то помочь?

– Сами себе помогут, если захотят. Не забивай голову себе дурными мыслями – у каждого своя работа, нечего лезть не в свои дела. Сначала вспомни о семье, затем уже размышляй, какого живётся городским шлюхам. – Сказал Василий, уже подошедший к двери и набравший ряд цифр, после которого дверь отворилась и холодный воздух понёсся с тёмного тоннеля, поднимающегося с каждой ступенькой всё выше.

– Но как ты думаешь, смог бы я полюбить ту, что продаёт свою любовь каждому желающему?

Василий не ответил на вопрос Петра, посчитав его слишком «дурным», как он часто любил говорить о вещах, что не присущи ему самому. Но Пётр, поразмыслив не больше минуты, смог ответить для себя на заданный им же вопрос.

«Но как бы ответил Бог?» – Спросил у себя в голове Пётр, желая и от Всевышнего получить ответа. Но его не последовало. Как и всегда.

– Можем проходить. – Сказал Василий и обернулся к своему племяннику. Тот же всё рассматривал непристойные рисунки и надписи, будто видел их в первый раз. – Петя, не стой на месте, я уже замёрз, сосулькой сейчас стану, давай, забегай!

Войдя на лестничную площадку и подымаясь к первому этажу, они остановились на промежуточной площадке. Пётр заметил, что с Василием не всё в порядке – с его носа начала течь резко кровь, а некоторые капли начинали засыхать на его небрежном, коричневом пальто.

– У тебя проблемы с носом? – Спросил Пётр, после чего старик провёл пальцем меж ноздрей и увидел красную жидкость, что покрыла всю кожу багряным полотном.

– Чёртово давление. Ничего страшного, подымайся на четвёртый этаж, я пойду за тобой, – и проведя рукавом по носу, он начал медленно следовать за Петром.

Пройдя первый этаж, Васе стало ещё хуже – у него начала резко болеть голова, будто по нему ударили тяжёлым молотом, и он попросил остановиться Петра на минуту. Упёршись рукой об стену, он опустил голову и не шевелился, закрыв глаза и согнув ноги в коленях, чтобы упереться о ящик для почты, заполненный до отказа и окружённый несколькими выпавшими письмами.

Постояв минуту и издавая тяжёлые звуки, будто от нехватки кислорода, он воспрянул, выпрямившись спиной, насколько мог (Вася был горбатым), и сказал:

– Идём дальше. Похоже похмелье началось, ничего страшного, только протяни мне руку, тяжело подняться.

– Хорошо, держи, – и Пётр выпрямил свою руку, за которую схватился Вася. Они пошли дальше.

Однако их совместный поход окончательно остановился на втором этаже. Площадка была вся заполонена светом, в котором мерцала летающая пыль, создавая обескураживающий вид. Но Василию плевать на него – ему стало крайне плохо. Он, топнув ногой через последнюю ступень ко второму кругу ада, упал наземь, замертво, схватившись обеими руками за голову.

– Вася, что с тобой? – Встревожился Петя и начал нервно пытаться оказывать упавшему дяде первую помощь. Но перевернув его лицом к себе, Пётр увидел, что его нос разбит от падения на пол и кровь покрыла всё лицо. Со рта начала вытекать пена, и тут Вася начал быстро дёргаться, из стороны в сторону, будто от приступа эпилепсии. Но это была не она.

Пётр, откинувшись в страхе от своего дяди, хотел позвать помощь, обратившись к первой же соседней двери, но Василий остановил его, сказав: «Иди на четвёртый этаж. Оставь

меня. Всё пройдёт» ели внятным голосом, а пена полилась на пол от потоков воздуха, что доносились изо рта.

Племянник послушался его и быстрым бегом рванулся к четвёртому этажу. Третий он и вовсе не заметил – столь он устремился к своему дому, надеясь, что там будет телефон, по которому он вызовет скорую помощь. И вот, он стоит перед сорок третьей квартирой и резким ударом плечом выбивает единственную на всём этаже деревянную дверь. Свет же успел покрыть всю площадь дома. Издался крик Васи. От сильнейшего блеска, Пётр закрывает глаза при входе в квартиру.

И появляется в красной комнате, сделанной из кусков мяса и кишок, выпадающими из стен, как нити на некачественной одежде. Повсюду видны руки. Руки, отрубленные до локтя, торчащие из стены и перебирающие между собой эти кровавые ленточки, вытаскивая их из мясных стен и засовывая обратно. На месте же лампы, что должна производить свет на комнату, расположен склизкий мозг, а из него доносится совсем тусклый, слабый свет, падающий лучами на картину Рембрандта, вешенную на стене, где Христос, подняв правую руку, воскрешает мертвеца – Лазаря – лежащего в погребальной пещере и вот, первое открытие глаз. И изумлённые лица, увидевшие чудо. Но свет в красной комнате не направлен во все стороны. Свет идёт на по двум местам – освещая картину, и напрямик вниз от себя – пороча чёрный стул, сотканный из загнивших конечностей, на котором восседает молодой мальчишка, лет шестнадцати, привязанный к стулу крепкими верёвками, и по всей их длине расположены глаза, смотрящие прямо на Петра.

– Отец, помоги мне, – истощённо выговорил мальчишка, с усилиями подняв свою голову. – Ты принёс пистолет? Тогда пристрели меня, я больше не могу.

– Кто ты? Куда я попал? – Начал беспокойной произносить Пётр нервным от страха и отвращения голосом. Ноги его все погрязли в кровавой субстанции соков, что творит комната свисающими ногами с выломленными костями со своего потолка, капая на пол и образуя лужу, что начинает заполнять комнату.

– Ты снова всё забыл? – Опустив голову, отчаянно риторически спросил он у отца. – Сейчас всё не важно. Ты должен исполнить свой долг. Застрели меня. Как любящий отец – это лучшее, что ты можешь сделать. Когда-нибудь ты поймёшь меня.

Посмотрев себе на руки, Пётр увидел, что они все в морщинах, а в них он держит револьвер странной формы. Барабан был меньше обычного, но вмещал тринадцать пуль. А ствол столь велик, что пистолет скорее оказывался схож с веткой от сломленного дерева, уничтоженного одним из лесорубов, чем на смертельно опасное оружие. Однако, он вполне был дееспособен. В этом Пётр убедился, случайно нажав на курок и выстрелив в пол.

– А-а-аргх! – Издался ужасающий, приглушённый вопль чего-то огромного, доносящийся далеко сверху, будто в далёких горах, но такой громкий, что дошёл и до наших бесправных ушей самаритянинов.

– Хорошо, ты можешь владеть им. Теперь направь на меня и нажми снова на курок. И всё пропадёт, всё станет лучше, как прежде. Ты это знал, и ты для этого и пришёл.

– Но что, если я не хочу стрелять в тебя?

– Иначе умрёшь и ты. Мне очень тяжело говорить. – В этот момент мальчишка несколько раз кашлянул кровью на землю. И она поползла совсем медленно, как улитка, в сторону Петра, делая редкие, но целеустремлённые рывки. – Тебя убьёт эта комната. И посадит туда, где сейчас я.

– Как тебя звать?

– Ты мне часто рассказывал эту историю. Вы с мамой называли меня в честь вашего общего друга, что помог вам выбежать из пожара по лестнице, которую он успел привезти именно к вашему окну. Меня зовут Антон.

– Надеюсь, ты простишь меня, – трепетно сказал Пётр и наставил веточный револьвер в сторону Антона. Комната начинала заполняться соком, текущего с потолка, всё быстрее, а руки, до этого только перебирающие ленточки, начинали хватать Петра за ноги и руки, постоянно мешая ему совершить детоубийство. Руки его сильно дрожали и он не мог всё никак решиться на огненный выстрел, что пронзит молодое тело.

– Пауки! – Крикнул Антон, отчего Пётр испугался настолько сильно, что пальцы непроизвольно свелись в кулак. И один из пальцев был на курке пистолета, направленном на Антона. Выстрел.

Весь свет погас в ту же секунду. Глаза, смотревшие из верёвки, захлопнулись. Руки, начинающие обхватывать всё тело Петра, пропали, оставив лишь кровавые следы на его футболке и джинсах. Жидкость, что уже просочилась в ботинки Петра, испарилась паром. И Пётр оказался во тьме. Без ничего. Только с обломленным револьвером, что сломался пополам от рокового залпа, продырявившего сердце сына. Тьма сделала свой удар.

Осталось только идти. Снова, не зная куда, не зная зачем. Окружённым лишь чёрной мглой, безграничной, всепоглощающей. Пётр не видел ни своих ног, ни рук. Он шёл по ощущениям. Первый шаг оказался самым сложным – потому что был до ужаса не предсказуемым. Но, наполнив свои лёгкие крепким вдохом, Пётр решился и сделал шаг. И ничего, будто наступил на те же лестничные плиты. Однако он почувствовал отсутствие ботинок. Страшно перепугавшись, Пётр схватил себя за тело и понял, что он стоит полностью без одежды. Он делает второй шаг растопыренными пальцами по темноте.

Начал дуть сильный ветер, сносивший усталое тело Петра в сторону, отчего он сделал несколько резких шагов назад, но смог устоять на ногах. Ветер доносится откуда-то спереди, но он не чувствовался естественным. Будто кто-то включил огромный вентилятор в жаркий, летний день, чтобы обеспечить прохладным ветерком в уютной беседке сидящего мужчину со вкусным мороженым в руке и рядом стоящей ледяной водой, которую совсем скоро откроет один из друзей, решивший облить всех окружающих для всеобщего веселья. Но ничего из этого здесь не было. Лишь печальный, искусственный ветер, что усиливался с каждой новой прокруткой, и составляющий разогнавшимися порывами воздуха слова: «Уходи отсюда, ты мне не нужен!».

Пётр, упёршись крепко ногами о невидимую им землю, начал двигаться дальше, несмотря на всё не гостеприимство сего места. Он начал забывать, как выглядит мир в красках. Пётр забыл звуки природы, заводов, машин. Темнота давила на него, на его сознание, заставляя сжиматься памяти. Она была не просто всепоглощающая. Тьма уничтожила всё вокруг себя.

– Что? Свет? – Подумал про себя Пётр, когда увидел маленькое, совсем слабо видимое, но столь отличающееся от всего вокруг белое пятно, чьи лучи касались совсем аккуратно Петра, облекая тусклым светом его тело. Пётр первым же делом посмотрел на свои руки, и они были совсем детскими, гладкими, даже без намёков на первые волосинки. Только лёгкий, белый пушок рос на них.

Пётр побежал, что были силы к свету и вдруг ветер, бьющий до этого лишь в лицо ребёнка, начал поддувать его сзади, ускоряя разгоняющееся стремление покинуть тьму навсегда. Но Пётр не знал, из какого побуждения помогал ему таинственный вентилятор невероятной помощи. И была ли эта помощь на самом деле, или лишь его корыстные побуждения? Пётр никогда не узнает ответа. Ему это и не нужно. Он был слишком мало времени во тьме.

Свет уже оставлял свои яркие следы по всему телу Петра. Чтобы увидеть воочию прекраснейшие проблески, ставшие ценнее самой жизни для него, во всю их силу и ощутить снова чувство бескрайней свободы, Пётр опустил глаза и бежал вперёд, ориентируясь на отступающую тьму пола, место которого занимало белое свечение. Он поднимает свои глаза. Ярчайшая вспышка ослепляет его. И вновь, Пётр падает на колени. Но глаза не сгорают, как произошло

в прошлый раз. Они стали видеть больше. Намного больше, чем прежде. В этом Пётр убедился, как только открыл глаза.

– Это же тот самый фонарный столб. Но теперь он целый. Ещё никто не разбил, – сказал Пётр, после открытия глаз, увидев снова ту улицу, по которой совсем недавно он шёл вместе с дядей в свою квартиру. Но, Пётр не был на той улице. Он смотрел на мир, будто через экран телевизора, а повернув голову в сторону от него, Пётр видел только тьму.

Отвернувшись от завораживающей своим величием тьмы снова на экран, чтобы не упасть вновь в глубины её царства, Пётр видит себя. Себя ребёнком, лет восьми. Блондинистые, кудрявые волосы. Уродливые, коричневые тапочки и чёрные носки, что не покрыли большой палец левой ноги из-за образовавшейся, довольно внушительных масштабов дыры. И Пётр видит, как Петька держит в своих руках угловатый, не помещающийся полностью в ладонь камень, а за углом соседского дома стояло около четырёх ребятишек, одна из которых была девочка в белом платице в горошек, что пыталась скрыть смех нежной ладошкой.

– Неужели я сломал тот фонарь? – Подумал про себя Пётр и вдруг он слышит резкий звук стекла и взорвавшейся лампочки. Взор сразу же обращается на экран мира, и Пётр видит, как одна из стекляшек отлетела на юного Петьку, оставив кровавый шрам, что пересёк незначительную часть правой щеки, что он подставил, пытаясь спрятаться от стекольных брызг. Пётр, коснувшись щеки, почувствовал маленький, заживший шрам, оставшийся с ним навсегда.

Тяжёлый, оглушивший уши Петра грохот донёлся из тьмы, сравнимый мощью и энергией с не менее Великим Потопом, что покрыл мир солью и водой, оставив спасённым лишь Моисея и его зверей. Но мир Петра покрыла не вода, а сжавшиеся тьма со всех сторон, оставившая лишь немного кислорода для жизни человека, стоявшего вокруг неё и смотревшего на мир, с непонятными для самого себя целями. Это был первый отвратный поступок в жизни Петра. Отсюда и начинается отсчёт тьмы и света. Этот день является зарождением тьмы в сердце юнца. Тьмы, что живёт уже миллиарды лет. Тьмы, смерть которой осталось ждать так мало.

Опомнившись от звукового удара, чуть ли не проткнувшего своей мощью барабанные перепонки Петра, он почувствовал, как дышать стало легче. Но никаких изменений больше не заметил – сложно увидеть сжатие тьмы, когда всё вокруг тебя и есть она. Он продолжил наблюдением за юным собой, что к моменту очистки от посторонних шумов ушей Петра, уже побежал в сторону дома, в слезах, что перемешивались с кровоточащей раной щеки, образуя жестокие, розовые капли, сопровождающие по пятам ребёнка. Другие же дети, не ожидавшие исполнения в реальность проступка, на который, как они думали «Петька никогда не решится, он же самый трусливый трус!», побежали врассыпную, кроме той самой девочки с платицем в горошек и распущенными, длинными, волнистыми волосами, что покрыли её слабую спинку.

Она побежала вслед за Петенькой, сорвавшись со своего уголка, за которым ещё считанные секунды назад тихо хихикала, наблюдая за недотёпой в отвратительных тапках. Пётр совсем не помнил её. Кем она ему приходилась? Может, это его сестра? Или же подруга? Или та самая девочка, что постоянно издевались над ним на школьных переменах за его неухоженный вид и нелюдимость? Пётр не знал. Но, видя её, он ощущал приятные эмоции. Будто видит своего давнего друга, которому можно довериться по любому вопросу – от выбора более прагматичного утюга, до разрешения сложных, моральных проблем. Вы когда-нибудь задавались вопросом, смогли бы вы убить человека? Думаю, что вполне, мой читатель. И как же вы ответили себе на этот вопрос? Какие вы находили оправдания своему ответу? Или же, вы были столь категоричны в своём ответе, что не искали аргументов за или против? Что же, тогда скажу вам вот что – Пётр никогда бы не подумал, что убьёт человека. Тем более, столь близкого к нему.

Когда девочка с платицем в горошек забежала за угол дома, устремившись вслед за дитём, совершившим впервые зло, Пётр не мог наблюдать, что происходило дальше. При-

тык, конец экрана. Она убежала за занавес, а за кулисы посмотреть невозможно – роль охранника спектакля исполняет тьма, черту которой Пётр никак не мог преодолеть. Но он слышит звуки. Голоса города, что исходят со всех сторон. И в череде бесконечных автомобильных трасс, чей гром сопровождали нелепые разговоры о том, сколь стала дорога гречка и какой одеть сегодня костюм, словно хлопком дирижёра, что своим жестом знаменует окончание очередного учебного дня оркестра, издался душеспипательный, пронзительный крик девочки. И Пётр узнал его – смех сменился плачем.

Её крик не прерывался, а каждое новое издыхание становилось только тяжелее. Хрустнула кость. И вновь, молчание. Начало нового учебного дня. Теперь же, окрашенным в бурокрасные оттенки, на что один из участников композиции Земли, проезжая мимо страшного преступления, сказал: «Боже, какая мерзость...» и продолжил свой путь, не прерывая обучение.

Я бы не стал употреблять слово «мерзость» в этом случае. Куда больше подойдёт слово «ненависть». Именно оно охватило юного Петьку, когда девочка добежала до него и схватив за плечо, развернула к себе. И последним, что увидела она – плачущего мальчика, чьё левое запястье было разрезано до мяса от державшегося в ней осколка фонаря. Он сохранил его и сжал настолько сильно, что рука обогрелась нечестивой злостью, и гладкое, чистое стекло покрылось кровью убийцы, ещё не совершившего первое из двух главных преступлений против человечества, что он сделал за всю свою жизнь. Но вот он, момент свершения самосуда, или же правосудия? Думаю, вы сами ответите себе на этот вопрос. Однако, острый осколок уже воткнут в горло юной леди. Глаза стали широки, как две луны. И свет погас в них, будто луны улетели от Земли, оставив её одну в одиноком космическом пространстве, лишённом жизни. Теперь и друзей.

Она пыталась вытащить проткнувший её осколок, но руки начинали холодеть и не могли уже дотянуться до шеи. Упав на колени, бездыханное тело в платьице в горошек разлилось кровью по разрушенной дороге, полной ямами, заполнив трещины трагической смертью. Петенька убил невинную девочку в порыве ненависти к ней из-за избитой беспощадными ударами ноги собаки, ели как шедшей от бака к баку, словно тряпочка, пущенная по воздуху, в поисках еды. Он знал эту девочку, Петенька был даже влюблён в неё, испытывая первые, столь сильные чувства в своей жизни. Но он не знал, чем тогда мотивировала тот ужасный поступок девочка, пнув по боку обессиленную собаку, отчего та перестала нести свой свет. Почему же Петенька сорвался, совершив убийство? Петенька знал, что это за пёс. Алтай, Петя не считал тебя не нужным. Он пытался уговорить родителей. Надеюсь, ты убедился в этом.

Пётр же, слышавший до этого только звуки, увидел последствия совершённого преступления только спустя десять минут, когда крик прекратился. Мальчик, чьи руки наполнились кровью, неторопливо пошёл в обратную сторону, снова на ту же дорогу, где был разбит фонарь, и шёл, плача в раскаянии. Петенька не хотел убивать. Он хотел лишь справедливости.

Пройдя своё шествие и вновь пропав с поля зрения Петра, взрослый мужчина, что наблюдал за миром по ту сторону экрана, понял всё, что произошло с юным им в те минуты. Пётр услышал шаги, что текли, как вода, но с отчётливым топотом, но не столь странное сочетание звуков смутило Петра. А то, что звук доносился сзади него.

«Ты знаешь о двух своих преступлениях против человечества. Время расплаты.» – сказал обернувшемуся Петру тёмный силуэт без лица, кожи, костей и мяса. Пётр не успел издать и звука, как длинные, бестелесные руки обогнули шею мужчины и начали давить с мощью, сравнимой с чёрной дырой, и мир, сзади него, обрушился под гнётом тьмы, закрывшей его полотном неслета. Пётр не мог дышать. Он перестал видеть. Слух пропал, как и боль. Осталось только чувство сжатия. Бесконечное удушение без проблеска надежды. В таком состоянии Пётр прожил более тысячи лет.

Пётр полностью потерял восприятие мира. Самыми сложными были первые десять лет – когда все ощущения ещё сильны, но ты не можешь ничего сделать, чтобы остановить пытку, что не просто страшнее смерти. Она страшнее любой жизни на Земле. Пётр стал мучеником, а приговор ему вынесен был тьмой. Обездоленной, обиженной, оскорблённой тьмой, что хотела лишь мстить. Уничтожить тех, кто родился под заревом света, а не в обугленной темнотой душевной комнате, наполненной запахами безумства и ненависти. Уничтожить сам свет, что получал с каждым годом всё больше силы, придаваемая прожекторами, фонарями и блестящими неоновыми вывесками. Затем навсегда погрузив мир в бездну свету. Пётр же теперь обязан выслушать и тьму, несмотря на её вечное безмолвие.

Дальнейшие сотни лет, когда Пётр смирился со своей жизнью и перестал ощущать время, пространство, и какие-либо другие чувства, прошли практически незаметно. Он перестал о чём-либо думать, Пётр не считал уже каждую секунду, надеясь, что вот-вот и всё кончится – нужно подождать и тебя отпустят, обязательно выпустят снова на свет. Пётр погрузился в себя, впад в анабиоз и, быть может, вспоминал о своей прежней жизни раз в несколько лет, которую помнил он так плохо, однако мысли его эти быстро отпускали.

– Чем больше думаешь, тем медленнее идёт время, – задумался Пётр, но сразу же опомнился и снова ушёл в себя, ожидая окончания наказания, назначенным тьмой.

*******Немного******* **про**
Тьму*****

Она – обездоленный ребёнок, которого лишили всего.

Безмерной власти.

Свободы деяния чего она соизволит.

Огромной Вселенной, что был ей как родной дом.

И кто же лишил её всего? Быть может, Бог, что появился из ни откуда и направил свои лучи по миру, образовав всё вокруг, что увидим мы, повернув свою голову влево, или направо?

Или же началу послужила та самая маленькая, совсем неприметная шкатулка, что набивалась с каждым годом всё большей энергией и силой, оставаясь всё такой же незаметной, но бурлящей, как вскипячённый суп, коробкой, что неприметно должна была взорваться?

Ответьте себе сами на заданный вопрос. Но помните всегда – Тьма честна и справедлива.

Но каков бы ни был ваш ответ, Тьма будет недовольна приведшим результатом. Она теряет свою прежнюю мощь с каждой секундой всё больше. С каждым годом возникает всё больше цивилизаций, что учатся разжигать огонь, или добывать электричество, подключая его к миллионам генераторов, наконец осветив свои квартиры, что находились в полумраке. И Тьма хочет реванша. Она требует его.

– Ты расплатился. Но печаль твоя будет длиться вечно. Ты умрёшь, восстав опять. Но не под заревом Света, а моим чёрным огнём. – Спустя тысячу лет, сказала величавым голосом премудрого владыки Тьма и обвившие шею руки Петра развязались, словно плохой морской узел юнги, что пробрался на борт корабля, сбегая от родителей, мечтавших о его будущем в сапожном деле. Пётр начал падать, и пола, сделанного из тьмы, в этот раз не было. Он очнулся уже в полёте. Но не чувствовал, что что-то изменилось – его горло было слишком сильно сжато, чтобы первые глотки драгоценного воздуха начали проникать в его лёгкие. Однако, горло начало расширяться. Постепенно, как заклинившиеся огромные ворота, не открывавшиеся никем долгие года. Кислород, всё это время окружающий Петра, наконец приобрёл своего носителя. Вдох. Сознание пробудилось. «Я падаю» – прошла сразу же мысль, за которой понеслась огромная череда воспоминаний и размышлений, что имел раньше Пётр и приобрёл вновь.

Посмотрев себе под ноги, Пётр видел свет, что с течением времени расширялся – туда и падал Пётр, получив долгожданную свободу. Пётр видит звёзды, украшающие земной небосвод. А вот и оно – Солнце, греющее нас каждый день, а мы забываем его благодарить за это. Летя же вниз, Пётр сразу же сказал: «спасибо!», добавив затем «я действительно скучал по тебе!». Пётр видит уже и очертания планет. Вот он, Меркурий – серенький, как маленькая мышь, по сравнению со всем величия Солнца. А рядом уже пролетает и Венера, жёлто-белая, как кофе с молоком, налитое баристой в уютной, маленькой кафешке, выполненном в стиле ретро восьмидесятых, с яркими, неоновыми вывесками и игровыми автоматами, куда маленькие дети засунули свои монетки и решили поиграть в «SpaceWar», затем прокомментировав далекими от комплимента словами: «Пойдём лучше в плейку дома поиграем, мне мама вчера как раз денег дала на игру. Хочешь, чтобы я тебе переломал пару рёбер в теккене или мортале?» с явным ехидством сказал паренёк постарше, толкнув легонько второго сжатым кулаком по плечу, после чего они выходят из кафе со спором, какой персонаж всё-таки самый сильный в игре.

Земля. Голубая, с зелёными вставочками, и окружённая повсюду облаками, затмившими именно сейчас деревни и города Сибири, одним из которых был Норильск – родной город Петра, где он и свершил своё преступление. Резкое торможение и спустя совсем короткое время, лёгким касанием нагих ступней, Пётр касается пыльной, плоской крыши посреди буднего дня. Но, дойдя до обрыва, чтобы разглядеть улицу вокруг себя, Пётр не узнал свой город. Повсюду размещены экраны, покрывшие безжизненные хрущёвки с выбитыми окнами, с которых доносятся постоянные рекламные ролики и лозунги, а люди ездят лишь на общественном транспорте без выхлопных труб, отчего небо, куда и поднял свою голову Пётр, очистилось от дымных стогов, которые он наблюдал с самого детства, однажды тогда растрогав до слёз свою маму, когда они уехали на отдых в Турцию и одной из первых выговоренных фраз маленьким Петькой стало:

– Как же тут легко дышится, мама! Почему дома не так?

– Потом всё станет лучше, Петенька, – начала говорить мама, а из её глаз начали выливаться горькие слезинки. – Когда-нибудь в нашей жизни точно всё станет хорошо. Смотри в окошко! Там море! – Перебросив внимание Петеньки, сказала Мария, оставив с биноклем его на балконе рассматривать Чёрное море, а сама отошла в туалет гостиницы, чтобы вытереть лицо от эмоций, что должны стать чужды ей в момент отдыха. Она приезжала сюда не плакать.

– Эй, чего стоишь на крыше? – Сказал вышедший из нижних этажей мужчина в футболке с логотипом маленькой радуги по центру, открыв железную дверь наведением своих глаз на детектор, сняв преждевременно очки. Его волосы достигали плеч, режа глаз своим кислотно-красным ярким цветом. Когда он одел обратно очки, Пётр, отозвавшись на крик, заметил, как из них доносится слабый свет, обхватывающий глазницы незнакомца, а в руках он держал стаканчик с налитым чаем, от которого шёл приятный, ягодный аромат.

– Жить надоело? Понимаю тебя. Может чая хочешь? – Договорил красноволосый парень, когда голый Пётр обернулся к нему лицом.

– Где я нахожусь? – Не узнав родной город, спросил Пётр.

– На крыше. Так ещё и голый. Сегодня холодновато на улице, ты вот весь дрожишь аж, – Пётр и впрямь от холода обхватил руки по локоть и трясся от каждого дуновения морозного, норильского воздуха, дополняющегося сейчас и первыми выпавшими снегами, на слякоть от которых Пётр уже наступил несколько раз своими растопыренными ступнями. – Хватит тут стоять, глядеть на дорогу. Мне на тебя аж больно смотреть. Так ещё тебя сейчас заметят службы, проблем не огребёшься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.